

И. В. Смолькова

ДОЛЖЕН ЛИ ОБВИНЯЕМЫЙ НЕСТИ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОГОВОР ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО ЛИЦА?

Оговор вообще мутный источник, — черпать из него следует осторожно, и оценка достоверности его сложна. При этом нельзя обойтись без обследования психологической стороны оговора, а оно крайне трудно. Мы имеем здесь дело с тёмными страстями, подвигающими к оговору: мезтью, ненавистью, ревностью, завистью, гневом.

Л. Е. Владимиров

В статье рассматривается остро дискуссионная в уголовно-процессуальной науке и правоприменительной практике проблема о возможности привлечения к уголовной ответственности обвиняемого за оговор заведомо невиновного лица. Автором статьи отстаивается позиция, что право обвиняемого на защиту не безгранично, поэтому обвиняемый должен нести уголовную ответственность за оговор невиновного лица как за заведомо ложный донос.

Ключевые слова: обвиняемый, оговор, заведомо ложные показания обвиняемого, заведомо ложный донос, клевета, ложное обвинение.

I. V. Smolkova

MUST WHETHER THE ACCUSED BEAR CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR SLANDER OBVIOUSLY INNOCENT FACE?

The article discusses debatable issue in criminal procedure science and law-enforcement practice about the possibility of the defendant's criminal prosecution for an innocent person's slander. The author of the article defends the position that the right of the accused to defense is not unlimited, so the defendant should be held criminally responsible for an innocent person's slander like for deliberately misleading denunciation.

Keywords: defendant, contract, defendant's deliberately misleading testimony, deliberately misleading denunciation, slander, false accusation.

Согласно ч. 2 ст. 16 УПК РФ обвиняемый может защищаться всеми не запрещёнными УПК РФ способами и средствами. Основываясь на этих положениях закона, многие процессуалисты делают вывод о том, что обвиняемый вправе давать любые показания по уголовному делу, в том числе и не соответствующие действительности. Некоторые авторы называют их заведомо ложными.

На практике, к сожалению, распространены случаи, когда обвиняемый отрицает свою вину и оговаривает других лиц, которые якобы совершили преступление, в котором обвиняют его. Такие показания обвиняемого в уголовно-процессуальной литературе называются оговором. Мотивы

оговора возможны самые разные: от желания избежать уголовной ответственности до мести другим лицам.

Само слово «оговор» означает «показание, ложно изобличающее кого-н.», оговорить — значит, «возвести на кого-н. ложное обвинение, оклеветать» [14. С. 444].

В юридической науке даются различные понятия оговора. Так, Л. Е. Владимиров определял оговор как «собственное признание подсудимого, содержащее в себе также обвинение постороннего лица в совершении преступления, в этой своей части» [4. С. 198].

Высказывалась точка зрения, что оговор — это ложное показание обвиняемого, уличающее других лиц, акцентируя внимание именно на ложности показания обвиняемого [21. С. 144].

М. С. Строгович рассматривал оговор как «показание обвиняемого, уличающего другого обвиняемого или иных лиц», считая неправильным указание на ложность показания, поскольку, по его мнению, ложность показания в момент его дачи ещё не установлена, она может быть установлена лишь при его оценке, поэтому термин «оговор» должен использоваться для обозначения любых, а не только ложных, показаний обвиняемого, уличающих других лиц [20. С. 427, 428].

Л. Д. Кокорев считает необходимым вообще отказаться от понятия «оговор», полагая, что ничего нового в решении процессуальных проблем оно не даёт [10. С. 156]. Отдельные авторы предлагают заменить термин «оговор» на словосочетание «показания обвиняемого относительно других лиц», отмечая, что при такой замене проблема определения и использования термина «оговор» перестанет существовать [6. С. 186]. Представляется, что данная проблема всё равно будет существовать, поскольку вопрос о том, какими являются «показания обвиняемого относительно других лиц», правдивыми или ложными, обвиняющими или оправдывающими, всё равно остаётся.

Заявление о совершении преступления другими лицами может сделать любой гражданин, как совершивший преступление, так и не причастный к нему, однако, если таковое делается до возбуждения уголовного дела, то в соответствии с ч. 6 ст. 141 УПК РФ он предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, о чём в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя.

На практике, хотя и редко, встречаются случаи ложной явки с повинной (когда лицо сообщает правоохранительным органам о преступлении, которого оно не совершало, мотивы здесь также могут быть самыми различными). По мнению В. Фельдблюма, ложная явка с повинной во всех случаях должна квалифицироваться как заведомо ложный донос [25. С. 20]. Данное мнение вызывает возражения, поскольку заведомо ложный донос возможен только в отношении действий другого лица (при оговоре), донести на самого себя невозможно, уголовная ответственность за донос в этом случае отсутствует. Как в случае, когда лицо, явившееся с повинной,

сообщает о преступлении, которое оно в действительности совершило, так и в случае, когда оно сообщает о преступлении, которого не совершало (при самооговоре), заведомо ложный донос вообще отсутствует и, соответственно, уголовная ответственность за заведомо ложный донос исключается.

Термин «заведомость» при ложном доносе означает, что лицо осознаёт, что сообщает правоприменительным органам, правомочным возбуждать уголовные дела, ложные сведения о якобы имевшем место преступлении.

Следует заметить, что способы защиты некоторых обвиняемых далеко не безобидны, начиная от оговора не причастных к преступлению лиц, и, заканчивая «изобличением» своих соучастников в преступлениях, которых они не совершали. Такие действия могут повлечь необоснованное обвинение и даже осуждение лица, невиновного в совершении преступления. С. И. Викторский в этой связи справедливо отмечал: «ложные признания могут оказать обществу двойное зло: невинный будет осуждён, а виновный навсегда останется безнаказанным» [3. С. 290].

С учётом изложенного возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности обвиняемого за заведомо ложный донос (оговор). В юридической науке по данному вопросу высказаны две диаметрально противоположные позиции. Представители первой позиции считают, что за заведомо ложный донос (оговор) обвиняемый уголовной ответственности не подлежит. Мотивируется эта позиция следующими соображениями: страх быть привлечённым к уголовной ответственности за заведомо ложный донос или клевету может привести к осуждению невиновного, а в случае применения незаконных методов расследования к сокрытию должностного преступления, что «способно нанести не меньший урон правосудию, чем заведомо ложный донос» [20. С. 428; 11. С. 35]. Сторонники этой позиции ссылаются на постановление Конституционного суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13–П По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан, в котором указано, что «лицо, привлечённое к уголовной ответственности, вправе использовать все не запрещённые законом средства для защиты от предъявленного обвинения» (ч. 3 п. 3.2) [17], полагая, что оговор невиновного относится к не запрещённому законом способу защиты. Например, Ф. Н. Багаутдинов замечает, что закон не содержит прямого запрета обвиняемому защищаться, оговаривая других лиц в совершении преступления. По его мнению, если закон установит запрет на такие действия, только тогда можно будет говорить о незаконном способе защиты со стороны обвиняемого [2. С. 28].

Р. Куссмауль же считает, что «при разрешении этой коллизии необходимо, очевидно, всё же исходить из принципа, что лучше оправдать

десять виновных, чем осудить одного невиновного. **Лучше оклеветать невиновного, чем осудить невиновного»** (выделено мной – И. С.) [11. С. 35]. Такие рассуждения вызывают недоумение, ведь заведомо ложный донос также может привести к осуждению невиновного. Вполне обоснованно в этой связи замечает И. С. Дикарев, что показание обвиняемого, содержащее заведомо ложный донос, является доказательством, которое при неблагоприятном стечении обстоятельств может сыграть решающую роль при вынесении в отношении лица, непричастного к совершению преступления, обвинительного приговора [7. С. 60].

Судебная практика исходит из ограничительного толкования ст. 306 УК РФ («Заведомо ложный донос»), признавая субъектами данного преступления обвиняемых по другому делу только в том случае, если ложный донос не является способом защиты от предъявленного обвинения. Так, например, Президиум Верховного суда РСФСР в постановлении от 11 апреля 1990 г. по делу Симонова Н. И. указал, что обвиняемый не может быть привлечён к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, если он осуществлён в качестве метода защиты, поскольку таковая для обвиняемого уголовно-процессуальным законом не предусмотрена, аргументируя свою позицию таким образом: реализуя право на защиту, обвиняемый вправе активно воздействовать на ход расследования и судебного разбирательства, представляя доказательства по поводу предъявленного обвинения с целью оправдать или смягчить ответственность, при этом обвиняемый не подлежит ответственности за заведомо ложные показания о любых обстоятельствах, имеющих значение для дела [18. С. 17].

Редакция журнала «Вестник Верховного суда СССР», в котором было опубликовано данное постановление, прокомментировала его так: в том случае, когда обвиняемый даёт заведомо ложные показания, касающиеся других лиц, заявляя, например, что преступление совершил не он, и указывает на другое лицо как на преступника, или принижает свою роль в совершении преступления за счёт соучастников, его действия следует рассматривать как допустимый метод защиты. Если же обвиняемый совершает заведомо ложный донос, выходя за пределы предъявленного ему обвинения, он подлежит ответственности за заведомо ложный донос [17. С. 17].

Аналогичное решение приняла и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, отметив в Определении № 1-Д97-16 от 15 апреля 1998 г. по делу Незнамова, что заведомо ложные показания подозреваемого о совершении преступления другим лицом заведомо ложный донос не образуют, поскольку они были даны с целью уклониться от уголовной ответственности и являлись способом защиты от обвинения [16. С. 15]. И. С. Дикарев справедливо замечает, что право обвиняемого на оговор невиновного фактически признано судебной практикой [7. С. 59].

Исходя из логики сторонников первой позиции, можно сделать следующий вывод: поскольку в законе нет запрета на оговор заведомо

невиновного лица обвиняемым, то последний может использовать его для своей защиты. Согласиться с этой логикой вряд ли возможно.

Вторая позиция по анализируемому вопросу состоит в том, что обвиняемый должен подлежать уголовной ответственности за заведомо ложный донос, даже если он осуществлён с целью избежать уголовную ответственность или с целью защиты от предъявленного обвинения [19. С. 20; 8. С. 44; 9. С. 86].

С. Нафиев и А. Васин в этой связи отмечают, что в случаях использования незаконных методов защиты, сопряжённых с заведомо ложным обвинением другого лица в совершении преступления, обвиняемый должен подлежать привлечению к уголовной ответственности, поскольку право на защиту не является абсолютным и беспредельным, а его осуществление не должно нарушать права и свободы других граждан [12. С. 6–7]. Действительно, нельзя допустить безграничную возможность защиты своих интересов посредством оговора других лиц.

С. Д. Шестакова вполне обоснованно считает оговор другого лица незаконным проявлением потребности обвиняемого избежать ответственность независимо от того, совершил ли он в действительности преступление или нет [26. С. 19], а В. Д. Адаменко стремление обвиняемого «воспользоваться правосудием для клеветы, осуждения заведомо невиновного из мести за правомерные действия» относит к незаконным интересам [1. С. 171].

И. С. Дикарев предлагает лишить обвиняемого тех прав, которые он использует преимущественно для удовлетворения интересов, противоречащих закону, и первым среди них называет «право обвиняемого на оговор невиновного» [7. С. 59]. Не вдаваясь в дискуссию о законности (незаконности) интересов обвиняемого, следует всё же заметить, что такого права у обвиняемого нет и быть не может. Включение этого «права» в право на защиту не может быть поддержано, поскольку последнее не является абсолютным, его реализация не должна нарушать права и свободы других лиц. Оговор невиновного лица есть использование незаконного способа защиты, и обвиняемый в этом случае должен подлежать уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ.

Представляется, что Конституция РФ, так же, как и УПК РФ, допускают не любые способы защиты. Свобода обвиняемого давать по делу любые показания без риска быть подвергнутым уголовной ответственности за заведомо ложный донос должна иметь и установленные законом ограничения, касающиеся случаев дачи заведомо ложных показаний в отношении других лиц о совершении ими преступлений, которых они не совершали. Диспозиция ст. 306 УК РФ не содержит специальных указаний о субъекте данного состава преступления, следовательно, на этом основании, можно сделать вывод, что обвиняемый может быть привлечён к уголовной ответственности по данной статье за заведомо ложный донос.

Практических работников проблема уголовной ответственности за заведомо ложный донос волнует прежде всего в связи со случаями

необоснованных заявлений подсудимых о применении к ним должностными лицами правоохранительных органов незаконных методов ведения следствия.

С. Нафиев и А. Васин рекомендуют практическим работникам при разъяснении прав обвиняемого (подозреваемого) предупреждать его об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и о том, что дальнейший отказ от ложных обвинений не может служить основанием для освобождения от ответственности, что, по их мнению, сможет удержать обвиняемого от использования противоправных способов защиты [12. С. 7]. Следует заметить, что данные рекомендации лишены правового характера и имеют характер пожеланий.

Примечательно, что на практике заведомо ложное заявление подсудимого о применении к нему незаконных методов воздействия, как правило, никаких негативных последствий не влечёт, уголовные дела о ложном доносе не возбуждаются, с другой стороны, ни один из сотрудников, о незаконных действиях которых заявляли подсудимые на суде, не предъявил иска о защите чести и достоинства. Это значит, что они признают за подсудимыми право их беспочвенно обвинять в противозаконной деятельности. А вот А. В. Победкин, объясняя такое поведение оперативных сотрудников и следователей, отмечает: «отсутствие фактов массового обращения в суд оклеветанных должностных лиц свидетельствует не о понимании ими допустимости таких средств защиты, а рассмотрении их как неотъемлемых издержек профессии, объясняется загруженностью по службе, не позволяющей включаться в длительную и затратную судебную процедуру по каждому факту ложного обвинения в незаконных методах ведения расследования» [15. С. 279]. Мне думается, что данное объяснение в какой-то мере наивно, скорее всего, сложившаяся практика настолько устоялась, что сотрудники не считают для себя необходимым поднимать вопрос о клевете и ложных доносах.

По мнению А. В. Победкина, от обвинения можно защищаться материальным и процессуальным способами: материальный способ предполагает законные действия, направленные на опровержение существования обвинения, а процессуальный состоит в оспаривании законности действий должностных лиц по обоснованию обвинения или подозрения и возможность дачи обвиняемым показаний, сопряжённых с заведомо ложным обвинением другого лица в совершении преступления, если такие показания рассматриваются лицом, их дающим, как средство защиты от обвинения (подозрения). Процессуальный способ защиты, с точки зрения данного автора не предполагает возможности заведомо ложных показаний о процессуальных нарушениях, якобы допущенных должностными лицами, осуществляющими производство по делу. Но, если содержанием таких показаний является заведомо ложное обвинение должностного лица в совершении преступления, то, по его мнению, должен ставиться вопрос о привлечении обвиняемого (подозреваемого) к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, как в том случае, когда обвиняемый

(подозреваемый) давал такие показания из мести или по иным мотивам, так и в случае, когда причиной заведомо ложного доноса явилось лишение обвинения его основания [15. С. 278–279].

Небезынтересна в рассматриваемом плане практика Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). В Решении от 28 августа 1991 г. по делу «Брандстетер против Австрии» ЕСПЧ отметил: «возможность для обвиняемого впоследствии подвергнуться преследованию за убеждения, высказанные им в свою защиту, не должна рассматриваться как нарушение его прав в соответствии с п. 3с ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Было бы преувеличением полагать, что исходной посылкой права лиц, обвиняемых в совершении уголовного преступления, защищать себя, является идея о том, что они не должны подвергаться преследованию, когда, осуществляя это право, они умышленно вызывают ложные подозрения в подлежащем наказанию поведении в отношении свидетеля или любого другого лица, вовлечённого в уголовное судопроизводство» [5. С. 252]. Таким образом, ЕСПЧ исходит из того, что использование обвиняемым в целях своей защиты оговора заведомо невиновных лиц вовсе не исключает привлечения его к уголовной ответственности за данные деяния.

Применительно к рассматриваемой проблеме возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности обвиняемого при оговоре заведомо невиновного лица за клевету. Представляется, что квалификация оговора по ст. 129 УК РФ («Клевета»), в данном случае невозможна, поскольку заведомо ложный донос более опасное преступление, чем клевета, потерпевший не просто терпит урон своей чести и репутации, но может быть необоснованно подвергнут уголовному преследованию и наказанию.

Некоторые авторы предлагают сконструировать новый самостоятельный состав преступления — «оговор заведомо невиновного лица» [13. С. 29]. И с этим предложением следует согласиться. Во многих зарубежных странах подобные составы преступлений закреплены в уголовных кодексах. Так, например, ст. 303 УК Швейцарии («Ложное обвинение») устанавливает уголовную ответственность любых лиц не только за факт сознательного обвинения невиновного лица, но и «за организацию злонамеренных мероприятий с целью, чтобы они повлекли за собой уголовное преследование невиновного» [23. С. 266]. Уголовная ответственность за заведомо ложное обвинение предусмотрена и в УК Испании (ст. 456) [22. С. 142], в Общегражданском Уголовном кодексе Норвегии содержится специальная глава (глава 16), именуемая «Ложное обвинение» [24. С. 171–174].

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что право на защиту не является безграничным, оно не должно осуществляться в ущерб интересам других лиц. В законе должны быть установлены пределы права на дачу любых показаний со стороны обвиняемого. Несомненно, оговор заведомо невиновных лиц не должен оставаться без юридической оценки.

Представляется несправедливым и неверным оставление безнаказанным обвиняемого, оговорившего в совершении преступления другое лицо. Думается, в этом плане можно использовать опыт других стран, которые устанавливают уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Адаменко В. Д. Охрана свобод, прав и интересов обвиняемого. – Кемерово: Кемеров. книжн. изд-во, 2004. – 270 с.
2. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 544 с.
3. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – М.: Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – 488 с.
4. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Ч. Общая и Особенная: 3-е изд., изм. и законч. – СПб.: Изд-е книжн. магазина «Законоведение». – 1910. – 391 с.
5. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и политика. – М.: Изд-во МНИМП, 1998. – 600 с.
6. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник; 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2008. – 816 с.
7. Дикарев И. С. Законные интересы обвиняемого // Государство и право. 2010. – № 8. – С. 55–62.
8. Зеленин С. Пределы допустимой защиты // Российская юстиция. – 1998. – № 12. – С. 43–45.
9. Касаткина С. А. Признание обвиняемого: монография. – М.: Проспект, 2010. – 224 с.
10. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 272 с.
11. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 33–35.
12. Нафиев С., Васин А. Право на защиту не беспредельно // Законность. – 1999. – № 4. – С. 5–7.
13. Никандров В., Ворожцов С. Подсудимый заявил: ко мне применялись незаконные методы расследования // Рос. юстиция. – 1995. – № 8. – С. 26–30.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО ИТИ «Технологии», 2003. – 944 с.
15. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. – М.: «Юрлитинформ», 2009. – 416 с.
16. По делу Незнамова: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 15 апреля 1998 г. № 1-Д97-16 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 1998. – № 4. – С. 15.
17. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 июля 2002 г. № 13-П // СЗ РФ. – 2002. – № 31. – Ст. 3160.
18. По делу Симонова Н. И.: Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 11 апреля 1990 г. // Вестник Верховного суда СССР. – 1991. – № 8. – С. 17.
19. Прошляков А., Николаева З. Может ли обвиняемый нести уголовную ответственность за заведомо ложный донос? // Законность. – 1993. – № 2. – С. 16–21.

20. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
21. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Ч. Особенная. – М.: Юрид. лит., 1967. – 415 с.
22. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1998. – 278 с.
23. Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. А. В. Серебрянниковой. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2002. – 345 с.
24. Уголовное законодательство Норвегии / под ред. Ю. В. Голика. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», – 2003. – 365 с.
25. Фельдблюм В. Уголовно-пра-вовые последствия самоговора // Советская юстиция. – 1973. – № 13. – С. 19–20.
26. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2001. – 220 с.